

| | | | | |
|-----|---------|-----------------|--------------|--------------------------------|
| 241 | 206-1,2 | ОЛЬГА БЕРГГОЛЬЦ | “Бабье лето” | Часть 1 “Осторожно, листопад!” |
| 242 | 206-3,4 | ОЛЬГА БЕРГГОЛЬЦ | “Бабье лето” | Часть 2 “Ты приснись мне” |

“Бабье лето” (Коренблит – Берггольц)

Часть 1 “Осторожно, листопад!”

1. Окно – 1.09
2. О гончарах – 2.23
3. Каменная дудка – 1.48
4. Карусель – 1.39
5. Приснилось мне – 1.25
6. Добыча – 2.06
7. Только знать бы – 1.29
8. Костер пылает – 2.20
9. Нитка за иголкой – 1.59
10. Тебе судить – 1.24
11. Полынь – 1.27
12. Яблоко – 1.26
13. Заря моя – 1.57
14. Упрек – 1.13
15. Память – 2.17
16. Беатриче – 1.59
17. Бабье лето – 1.38
18. Журавлиная осень – 2.18
19. Разлучная – 2.25
20. Что я делаю?! – 1.51
21. «Осторожно, листопад!» – 2.21
22. Как сон – 1.08
23. Перед разлукой – 1.53

Общее время звучания – 41.35

Общее время звучания – 78.29

СОДЕРЖАНИЕ

1. ОКНО

Не от глазу, не со сна,
я и не утаивала,
что у темного окна
всё бы я простаивала...

Дома есть ли, или нет
хмурого хозяина, -
не блеснет по окнам свет,
сердце мое тайное...

Я недолго простою –
выйдет ночь несветлая...
Дочке песен не пою,
к мужу неприветлива.

Покачаю колыбель,
только думы мимо них:
замела, поди, метель,
у окна следы мои...

2. О ГОНЧАРАХ

Мне просто сквозная усмешка дана,

да финские камни – ступени к Неве,
приплытие гончаров, и весна,
и красная глина на синеве.

(Уж гиблые листья сжигают в садах,
и дым беловатый горчит на глаза, -
о, скупость окраски, открыты когда
лишь сепия веток и бирюза...)

Звнящая глина тревожит меня,
и я прицеляюсь к молочникам утлым.
Старик балагурит, горшки гомонят,
синеет с воды валаамское утро,

и чаек безродных сияет крыло
над лодкою – телом груженым и длинным...
Почетно древнейшее ремесло –
суровая дружба с праматерью-глиной...

С обрывов коричневых глину берут,
и топчут, и жгут, обливают свинцом,
и диким узором обводят потом
земной, переполненный светом, сосуд,

где хлебы затеют из тёплой муки,
пока, почернев и потрескавшись в меру,
он в землю не сложит свои черепки,
на ощупь отметив такую-то эру.

И время прольётся над ним без конца,
и ветрам сходиться, и тлеть облакам,
и внуки рассудят о наших сердцах
по тёмным монетам и черепкам.

3. КАМЕННАЯ ДУДКА

Я каменная утка,
я каменная дудка,
я песни простые пою.
Ко рту прислони,
тихонько дыхни –
и песню услышишь мою.
Лежала я у речки
простою землею,
бродили по мне журавли,
а люди с лопатой
приехали за мною,
в телегах меня увезли.
Мяли меня, мяли
руками и ногами,
сделали птицу из меня,
Поставили в печку,
в самое пламя,
горела я там три дня.
Стала я тонкой,

стала я звонкой,
точно огонь, я красна.
Я каменная утка,
я каменная дудка,
пою потому, что весна.

4. КАРУСЕЛЬ

Стекает бисер на меня,
на моего коня.
Литавры толстые звенят,
как звери близ огня.
И рвется конь из-под меня!
Но медный прут пронзил коня.

Невозмутимый человек
выводит весь табун;
он убыстряет конский бег,
он ударяет в бубн!..

Лошадка, милая, вперёд!
Как жаль, что ты чурбан.
Меланхолический вальс поет
в семь дудочек орган.

Бумажной радугой цветов
зажаты мы со всех концов,
нам некуда уйти;
и, завершая мишуру,
вертится карлик на юру
с утра до десяти...

А спутник – враль и весельчак,
он впереди меня,
мне не догнать его никак,
хоть я гоню коня!

Но если б ожил этот зверь, -
о, если б он заржал! –
я догнала б тебя, поверь,
куда б ты не скакал!

Погоня всё в черту сольет, -
зарю, меня, курган,
пока унылый коновод
не бросит барабан,
и, приостановив игру,
затихнет карлик на юру...

5. ПРИСНИЛОСЬ МНЕ

Приснилось мне, что мы с тобой
летим на карусели,
где трубы стонут вперебой
и голоса свирели,
где мишуры светлей дождя

финифтяные струи
 и к пригвожденным лошадям
 навек присохла сбруя.
 Я впереди, а ты – за мной.
 Как мчатся наши кони!
 Мелькает мимо мир сплошной,
 труба рыдает за спиной,
 и – ни на шаг погоня.
 Ты рук не можешь дотянуть,
 чтобы меня поймать,
 а я, сто раз проделав путь,
 вернусь к тебе опять.
 Так задыхается любой
 от дикого круженья,
 так кружит нас с тобой любовь
 на месте, без движенья.
 Остановите, коновод,
 свой допотопный хоровод!
 Любимый мой,
 сойдем с коней,
 пойдем домой,
 пойдем ко мне!

6. ДОБЫЧА

Будет весело тебе со мною,
 если ты со мной захочешь жить:
 и спою и расскажу смешное,
 руки протяну тебе – держи.

Приведу к товарищам, к подругам
 (как я долго этого ждала!).
 «Вот, - скажу, - еще нашла вам друга,
 самого хорошего нашла.

Жалуйте, любите, не робейте.
 Он упрямый, ласковый, простой.
 Но прошу, подруги, не отбейте:
 я сама отбила у другой».

Вот что я товарищам сказала б,
 вот как жили б весело с тобой –
 без обиды, горечи, и жалоб,
 без прощаний в полночь на вокзалах...

7. ТОЛЬКО ЗНАТЬ БЫ

Что мне делать, скажи, скажи,
 чтобы стать тебе дорогой?
 Если хочешь, возьми мою жизнь,
 постепенно согни дугой...

Если надо, то я с тобой
 от бесславья не отступлю,
 только – недруг, товарищ мой,
 только слышать твое – люблю...

Только знать бы, что ты без сна,
если рук не найдешь моих,
только знать бы, что я – одна
в самых лучших думах твоих.

8. КОСТЁР ПЫЛАЕТ

Костёр пылает. До рассвета
угрюмый ельник озарен.
Туман и полночь, рядом где-то
Томится песня-полусон...
Как мы зашли сюда? Не знаю.
Мы вместе будем до утра.
Июнь, туман, костер пылает,
звенит и плачет мошкара.
Я говорю: «Теперь, как жажда,
во мне желание одно:
таким костром сгореть однажды
в лесу, где сыро и темно.
Я жалобою не нарушу
судьбу горящую свою:
пусть у костра погреют души
и песнь отрадную споют...»

9. НИТКА ЗА ИГОЛКОЙ

Как я за тобой ходила,
сколько сбила каблуков,
сколько тапочек сносила,
чистых извела платков.
Те платки слезами выжгла,
те – в клочки изорвала.
Как хотела – так и вышло,
так и стало, как ждала.
Нам теперь с тобою долго
горевать, работать, жить,
точно нитка за иголкой
друг за дружкою ходить.

10. ТЕБЕ СУДИТЬ

Лесов осенних розовее
в стакане призрачном вино,
и мелко отражает дно,
как мой рукав широкий веет,
как брезжит жаркая рука
сквозь одурманенный рукав...

А ты не пьешь, увидел ты,
что сарафаном зацвело
всегда бесцветное стекло,
что на пол падают цветы
с крутых сатиновых полос...

Смотри, заброшу рукава
и поплыву в вине, в вине, -

права ли я или не права,
виновна ли я, - судить не мне...

Тебе судить,
решать вину,
как искупить
мою вину...

11. ПОЛЫНЬ

Но сжала рот упрямо я,
замкнула все слова.
Полынь, полынь, трава моя,
цвела моя трава.

Всё не могли проститься мы,
всё утаили мы.
Ты взял платок мой ситцевый,
сорвал кусок каймы...

Зачем платок мой порванный,
что сделал ты с каймой?..
Зачем мне сердце торное
от поступи земной?..

Зачем мне милые слова
от нелюбых – чужих?..
Полынь, полынь, моя трава,
на всех путях лежит...

12. ЯБЛОКО

Мне осень озерного края,
как милая ноша, легка.
Уж яблочным соком, играя,
веселая плоть налита.
Мы взяли наш сад на поруки,
мы зрелостью окружены,
мы слышим плодов перестуки,
сорвавшихся с вышины.
Ты скажешь, что падает время,
как яблоко ночью в саду,
как изморозь пала на темя
в каком неизвестно году...
Но круглое и золотое,
как будто одна из планет,
но яблоко молодое
тебе протяну я в ответ.
Оно запотело немного
от тёплой руки и огня...
Прими его как тревогу,
как первый упрек от меня.

13. ЗАРЯ МОЯ

Заря моя горькая рано занялась,
росами тяжелыми сердце поняла...

Хитрыми узорами заплела пути –
стало мне дороженьки к дому не найти...

Замела следы мои на сухой земле,
Чтоб рукой махала я на вчерашний след.
Надо бы мне, девушке, вечерами спать,
у окошка пасмурных зорь не выкликать.

Надо бы не мучиться над чужой судьбой,
надо б не беседовать по ночам с тобой...
Были б дни-то девичьи без тоски да зла...
Ой, заря, заря моя, - рано занялась...

14. УПРЁК

Послушай, об этом не говорят,
а ты рассказал всем.
...Еретик был счастлив, когда, горя,
он мог оставаться нем.
И, как ни грызет огонь плеча,
как возле ни воеет толпа,
он, губы сжав, мог не кричать,
на черную злость попа.
А ты – о, ты испугался гореть!
Так что ж кричишь, горя?
...Нет, даже на самом большом костре
о боли не говорят!

15. ПАМЯТЬ

Не заплакалась я, не накричалась,
о камни я не билась головой:
о, девочка, - я думала сначала,
что ты вернешься прежней и живой...

Нет, не безумием и не рассудком,
я верила страшнее и теплей –
всем, что во мне заложено, - с минуты
возникновенья жизни на земле...

И как взгляну теперь я на весенний
веселый сад детей и матерей?
Чем станет мир моложе и нетленней,
тем скорбь завистливее и старей.

Как примирю теперь я мой нескладный,
и углый мой, и вдохновенный быт
с твоею ручкой, легкой и прохладной,
что, как снежок, в руке моей лежит?

Неудержимая, не согреваясь, тает...
Ни сердцем, ни дыханьем, ни слезой
мне не согреть ее, мне не заставить,
чтоб шевельнулась прежней и живой...

И мне теперь без слез, без утоленья

тот холодок души твоей хранить...
 Но – только б ничего не позабыть,
 но только бы не пожелать забвенья!

16. БЕАТРИЧЕ

В небе грозно бродят тучи,
 закрываю Данте я...
 В сумрак стройный и дремучий
 входит комната моя...

Часто-часто сердце кличет
 в эти злые вечера:
 Беатриче, Беатриче,
 неизвестная сестра...

Почему у нас не могут
 так лелеять и любить?
 Даже радость и тревогу
 не укроешь от обид...

Почему у нас не верят,
 а позорно и смешно
 так любить, как Алигьери
 полюбил тебя – давно?..

Тупорылыми словами
 может броситься любой,
 заклемили сами, сами
 эту строгую любовь...

И напрасно сердце кличет,
 затихая ввечеру,
 Беатриче, Беатриче,
 непонятную сестру.

17. БАБЬЕ ЛЕТО

Есть время природы особого света,
 неяркого солнца, нежнейшего зноя.
 Оно называется бабье лето
 и в прелести спорит с самою весною.

Уже на лицо осторожно садится
 летучая, лёгкая паутина...
 Как звонко поют запоздалые птицы!
 Как пышно и грозно пылают куртины!

Давно отгремели могучие ливни,
 всё отдано тихой и тёмною нивой...
 Всё чаще от взгляда бываю счастливой,
 всё реже и горше бываю ревнивой.

О мудрость щедрейшего бабьего лета,
 с отрадой тебя принимаю... И всё же,
 любовь моя, где ты, аукнемся, где ты?

А рощи безмолвны, а звёзды всё строже...

Вот видишь – проходит пора звездопада,
и, кажется, время навек разлучаться...
...А я лишь теперь понимаю, как надо
любить, и жалеть, и прощать, и прощаться...

18. ЖУРАВЛИНАЯ ОСЕНЬ

Я петь не люблю в предосенних полях, -
слабеет, склоняется голос,
заходит синеющим кругом земля,
ложится беспесенной, голой...

Я в лес убегаю (а дома скажу:
по ягоды собираюсь),
а что собирать-то – пою, да брожу,
да новое запеваю.

Ни звука в глубокой пучине лесной,
всё мертво, всё пусто, всё тленьё...
Но древнее эхо заводит со мной
дремучее, дальнее пенье.

Меня обступают прозрачной стеной
стволы красноватые сосен.
Я слышу – высоко заводит со мной
моя журавлиная осень...

19. РАЗЛУЧНАЯ

Любовные песни, разлучные
отпела, поди, сполна.
Девчоночки их заучивали,
многие, не одна.

Девчоночки наши русские,
радуясь и любя,
моими песнями грустными
выплакивали себя.

Услышав счастливый голос их,
не выдержу – улыбнусь.
На милую, милую молодость
не выдержу – оглянусь.

Ау, дорогая, лучшая,
румянец, июнь, весна!
И песней моей разлучною
откликнется мне она...

20. ЧТО Я ДЕЛАЮ?!

Что я делаю?! Отпускаю
завоеванного, одного,
от самой себя отрекаюсь,
от дыхания своего...

Не тебя ль своею судьбою
называла сама, любя?
Настигала быстрой ходьбою,
песней вымолила тебя?

Краем света, каменной кромкой
поднебесных горных хребтов,
пограничных ночей потемками
нас завязывала любовь...

Так работали, так скитались
неразлучные – ты да я,
что завистники любовались
и завидовали друзья...

21. «ОСТОРОЖНО, ЛИСТОПАД!»

Осень, осень! Над Москвою
журавли, туман и дым.
Златосумрачной листвою
загораются сады,
и дощечки на бульварах
всем прохожим говорят,
одиначкам или парам:
«Осторожно, листопад!»

О, как сердцу одиноко
в переулочке чужом!
Вечер бродит мимо окон,
вздрагивая под дождём.
Для кого же здесь одна я,
Кто мне дорог, кто мне рад?
Почему, припоминаю:
«Осторожно, листопад!»?

Ничего не нужно было, -
значит, нечего терять:
даже близким, даже милым,
даже другом не назвать.
Почему же мне тоскливо,
что прощаемся навек,
невесёлый, несчастливый,
одинокий человек?

Что усмешки, что небрежность?
Перетерпишь, переждёшь...
Нет, всего страшнее нежность
на прощание, как дождь.
Тёмный ливень, тёплый ливень,
весь – сверканье и дрожь!
Будь весёлым, будь счастливым
за прощание, как дождь.

... Я одна пойду к вокзалу,

проводящим откажу.
 Я не всё тебе сказала,
 но теперь уж не скажу.
 Переулок полон ночью,
 а дощечки говорят
 проходящим одиночкам
 «Осторожно, листопад!..»

22. КАК СОН

Мы больше не увидимся, -
 прощай, улыбнись...
 Скажи, не в обиде ты
 на быстрые дни?..

Прошли, прошли, - не мимо ли,
 Как сквозняки по комнате,
 Как тростниковый стон...

...Не вспомнишь, как любимую,
 не вспомни – как знакомую,
 а вспомни, как сон...

Мои шальные песенки,
 да косы на ветру,
 к сеновалу лесенку,
 дрожь поутру...

23. ПЕРЕД РАЗЛУКОЙ

Какая мне убыль, какая беда,
 Что я не увижу тебя никогда,

что хмурому не обещалась тебе,
 как самой своей неразумной судьбе?

Ты бросишь жилище, хозяйство, жену,
 уйдешь на охоту, на пир, на войну,

и будешь ты счастлив, и будешь тосклив,
 коней укрощая, вода корабли.

Бок о бок с тобою пройдет гроза,
 и хмель, и весна опаляют глаза,

и всё это минет, и всё без следа,
 и я не увижу тебя. Никогда.

Какая ж мне доля, какой же мне сон,
 какой же у песни исполнится звон?..